

Хроника научной жизни

Зараз(итель)ная готика: новые перспективы

Международная конференция
«Готика в эпоху заразы, популизма
и расовой несправедливости»

(Университет Саймона Фрейзера, Канада, 10–13 марта 2021 года)

DOI: 10.53953/08696365_2022_174_2_401

С 10 по 13 марта 2021 года на базе Университета Саймона Фрейзера в Канаде (Британская Колумбия) проходила очередная конференция Международной ассоциации исследователей готики (International Gothic Association), название которой можно считать живым откликом на ситуацию в мире: «Готика в эпоху заразы, популизма и расовой несправедливости» (*Gothic in a Time of Contagion, Populism and Racial Injustice*). Ассоциация проводит большие международные конференции, как правило, раз в два года, причем в разных городах и странах. На этот раз в силу известных обстоятельств мероприятие состоялось онлайн.

Идея конференции возникла еще в начале пандемии, и отбор заявок завершили осенью. Тот факт, что исследователи готики откликнулись на актуальную повестку, не должен удивлять: развитые в англоязычной науке Gothic studies (у нас это еще по-прежнему фактически экзотика, даже внятного русского названия для данной области науки нет) представляют собой что-то большее, нежели просто историко-литературные (а также кинематографические и проч.) штудии. «Страшное» в искусстве давно рассматривается как удобный язык для анализа и описания всевозможных пограничных явлений, трансгрессивных практик, маргинального, подавляемого, проблем столкновения с иным, чужим, непонятым, что видно хотя бы по перечню наиболее обсуждаемых тем: готика и гендер (в частности, много пишут о так называемой женской готике, “female Gothic”), готика и колониальный мир, готика и политика. Само понятие Gothic, исходно определявшее пласт литературы от «романов тайны и ужаса» до, предположим, «Дракулы», становится все более объемным, в критических работах это уже не жанр, а, как правило, mode (англ. “род, модальность”). В известном смысле ситуация напоминает «реализм

без берегов», памятный отечественному читателю — и предельным расширением круга объектов, и попытками связать исследуемый материал с актуальной повесткой (это, конечно, встречается отнюдь не всегда, но заметно, как интерес к тексту растет, когда в нем находят «животрепещущее» и одобряемое новейшей этикой). Сами специалисты по готике периодически отмечают необходимость помнить об особенностях конкретного материала и об исторической специфике, но тяга к злободневному сохраняется. Видимо, происходящее нельзя описывать как постановку науки на службу чему бы то ни было — она просто берет на себя некоторые дополнительные функции, как это происходило с русской литературой XIX столетия: интеллигенция получает дополнительную платформу для разговора о наболевшем в кругу единомышленников.

Следовательно, не приходится удивляться, что в кризисной ситуации ученые, не имея возможности собраться «живую» из-за пандемии, решили превратить ее в повод для очередной конференции (предыдущие были относительно нейтральны и не привязаны к ситуации — например, городская готика, ужасы и хоррор), тем более в готической традиции темы чумы, заразы, эпидемии имеют давнюю традицию, начиная с «Последнего человека» Мэри Шелли (которому в этот раз было посвящено несколько докладов) и даже более ранних текстов.

Участники представляли без малого два десятка стран — от Великобритании до Японии, от Таиланда до России, от Канады до Австралии. На двадцати шести секциях (panels) прозвучало около восьмидесяти выступлений и состоялось четыре пленарных доклада. Среди докладчиков были как живые классики Gothic studies (например, профессор Дэвид Пантер (Бристольский университет, Великобритания), автор монографии 1980 года «Literature of Terror», которая, как принято считать, знаменовала начало этого направления в литературоведении), так и ученые разных поколений, в том числе аспиранты. Охват материала простирался от готической классики (Уолпол, Мэри Шелли, рассказы о привидениях) до литературы разных стран и эпох, кинематографа, видеоигр.

Сюжеты пленарных докладов отличались разнообразием: Линни Блейк (Университет Манчестера, Великобритания) говорила о комедиях на тему зомби-апокалипсиса в их связи с социальными проблемами современности, Эндрю Нг Хук Сун (Университет Монаш, Малайзия) задавался вопросом о глобальности готики (в самом деле, в последнее время говорят и пишут, например, об азиатской готике — да и границы понятия остро нуждаются в осмыслении), Марк Дегган из Канады (Университет Саймона Фрейзера) рассматривал недавний (2019 года) фильм «Атлантика», Миша Уэстер (Университет Индианы, США) коснулась расовой проблематики в современной американской культуре. Последние два сообщения имеют смысл осветить несколько более подробно, поскольку они дают представление о важных тенденциях в Gothic studies и, конечно, о проблематике конференции (явная социальная повестка и весьма широкое понимание заразы, не сводящееся к медицинскому взгляду).

Марк Дегган говорил о претендовавшем на «Оскар» и «Золотую пальмовую ветвь» фильме «Атлантика», снятом Мати Диоп — женщиной-режиссером франко-сенегальского происхождения — в жанре романтической драмы с выраженными элементами фантастического реализма. Один из ключевых персонажей, Сулейман, долго не получал оплату за работу на стройке и, отчаявшись, решил вместе с товарищами на утлых лодчонках плыть через океан в Испанию в поисках лучшей жизни. Зритель догадывается, что молодые люди гибнут в море. В дальнейшем выясняется, что духи незадачливых мореплавателей вселяются в жителей Дакара: в домах внезапно вспыхивает огонь, покинутые девушки выходят, словно зомби, на берег океана и смотрят вдаль. Дегган комментирует фильм, напоминая о том,

что сказал режиссеру один из сенегальских рабочих (рискованная миграция на лодках — реальный факт): «Когда ты принимаешь решение уехать, ты на самом деле уже мертв». Таким образом, становится понятно, что лежит в основе фантастических элементов: по сути, перед нами развернутая метафора — безработные, отчаявшиеся сенегальцы становятся духами, призраками, взыскующими справедливости (мотив, знакомый не только европейцам по британским «историям с привидениями» — он встречается в фольклоре и литературе по всему миру и, соответственно, делает фильм понятным широкому кругу зрителей, выводит его за пределы местной проблематики). Сообщение Деггана имело большой резонанс, и его пригласили продолжить разговор об «Атлантике» в рамках первого из еженедельных семинаров, прошедших по следам конференции.

Не менее живой интерес вызвал доклад Майши Уэстер, ставший хорошей иллюстрацией особенностей «окологотического» дискурса. Докладчица, с одной стороны, поместила предмет обсуждения, американские фильмы ужасов, в широкий исторический контекст, с другой — обратилась к проблемам современного мира, сопроводив анализ материала эмоциональным и красноречивым комментарием на тему существующего по сей день расового неравенства. Понятно, что на фоне движения Black Lives Matter, структурного расизма и высвеченного пандемией расчленения в обществе давняя традиция изображения «готических злодеев» как чудовищ, тяготеющих к бессмысленному разрушению, начинает восприниматься совершенно иначе. Готика действительно касается «самых страшных страхов», боязни Другого — и то пытается этого самого Другого постичь, то подчеркнуто его расчеловечивает, наделяя, к примеру, анималистическими чертами. Как сообщает Уэстер, в наши дни американский кинематографический хоррор подхватил эту тенденцию всплеском жанра Torture Porn (натуралистичная демонстрация немотивированного насилия и «расчлененки»), и в реальной жизни параллелью к этому стали необоснованно жестокие нападения на афроамериканцев, в том числе уже во время пандемии. В фильмах показано расчеловечивание как афроамериканцев («социальная смерть»), так и белых (бездумная жестокость), при этом источником ужаса становится именно немотивированное уничтожение (как буквальное, так и символическое, посредством лишения социального статуса) чернокожего населения. В качестве иллюстрации к своим рассуждениям Уэстер использовала фрагменты и цитаты из целого ряда кинотекстов, включая телесериал «Американские боги» (2017—2021). Повестка дня не замедлила проявиться и в этом докладе, на сей раз в виде упоминания реальных массовых выступлений афроамериканцев, заявлявших, что нынешняя пандемия COVID-19 всего лишь часть другой, большой пандемии, планомерно их уничтожавшей уже не одно столетие. В данном случае совершенно очевидно, что разговор о готике в литературе и других видах искусства может обернуться комментарием к насущным проблемам, способом рефлексии. Доклад вызвал большой интерес и очень эмоциональный отклик аудитории.

Что касается отдельных секций, то ввиду их большого количества не представляется возможным подробно рассказать обо всех, отметим наиболее интересные и характерные. Необходимо напомнить, что это были panels, существенно отличающиеся от секций на отечественных конференциях: блоки из трех (иногда двух или четырех) тематически близких докладов с выделенным временем на дискуссию.

Интересно, что первая же секция была посвящена готике XVIII столетия, материалу, который изучается давно и планомерно — с тех уже довольно давних времен, когда представить себе «экоготику» или «азиатскую готику», к примеру, было решительно невозможно. Авторы сообщений нашли новые ракурсы и связали старинные тексты с современной проблематикой (на этой конференции отсылки к ней звучали даже громче обычного — вероятно, в связи с беспрецедентной ситуацией

в мире, затронувшей, конечно, и научное сообщество). Начали с обсуждения «Замка Отранто» — классического романа, считающегося первым «настоящим» готическим текстом (с чем можно, наверно, поспорить, но знаковый статус произведения Горацио Уолпола сомнению не подлежит). *Кей Кронистер* (Университет Аризоны, США) показала, как в «Отранто» работают отсылки к политическим бурям XVII века.

Александра Вэгстафф (Университет Макмастера, Канада) также говорила о связи классической готики с политической повесткой — но направленной уже не в прошлое, а в настоящее: темой ее доклада стала информированность в эпоху пандемии сквозь призму «Удольфских тайн», а эпиграфом — несомненно отзывающаяся в сердце современного человека цитата из знаменитой писательницы: «A well-informed mind is the best security against the contagion of folly and vice» («Хорошая информированность — лучшая защита против заразы глупости и порока»). Зараза в данном случае, конечно, не имеет прямого отношения к медицине, а представляет собой метафору «заразительности» дурного. Рассказывая, как героиня романа Эмили боролась с отчаянием и желанием отдаться предрассудкам, стремилась остаться собой в условиях стресса и изоляции, докладчица проводит параллель с днем сегодняшним, когда слово «изоляция» обрело новый смысл, а обилие ложной информации и безволие зачастую лишь способствуют распространению болезни — в самом буквальном смысле. Старинная литература может, как выясняется, стать поддержкой в непростой ситуации. Вероятно, подобную тематику доклада на научной конференции можно счесть странной, однако, повторимся, очередная «Готика...» стала не просто академическим мероприятием, но во многом инструментом осмысления создавшейся ситуации. Нельзя сбрасывать со счета и терапевтические моменты (мотивация и взаимоподдержка через обращение к культурному наследию), придающие конференции определенное своеобразие, но вполне объяснимые. Теплое неформальное онлайн-общение участников уже вне рамок конференции служит тому дополнительным подтверждением.

Вторая и третья секции были целиком посвящены знаковому тексту с «эпидемиологической» тематикой — роману Мэри Шелли «Последний человек». *Джингси Шен* (Университет Вашингтона, США) усмотрела в нем не только тему «заразности», но и заразительность (английское прилагательное *contagious* в полной мере отражает эту дихотомию): тема эпидемии появляется не только на уровне содержания истории, но и в рамочном повествовании, где рассказчик находит и интерпретирует документы, как бы вовлекая читателя в процесс осмысления и, как выразилась докладчица, «делая невозможные ситуации переносимыми». Здесь звучит и актуальная сейчас идея взаимодействия автора, героя и читателя, и — подспудно — представление о терапевтической функции чтения.

Дэвиду Зиглеру (Университет Калгари, Канада) показалось любопытным и симптоматичным, что роман Шелли повествует о событиях XXI века, то есть опять-таки напрашивается сравнение с сегодняшней реальностью. Ученый объясняет возросший интерес к роману тем, что, кроме пандемии, в нем подробно описаны популизм и всевозможные политические группировки. Текст, в свое время не принятый критиками и читателями, обрел новую жизнь — и посвященные только ему две секции тому свидетельство. Для современной «готистицики» также характерно, что исследователь из Канады обращается к идеям Славоя Жижека, которые, наряду с концепциями Лакана и Дерриды, в последнее десятилетие буквально пронизывают англоязычные труды по Gothic studies.

Майкл Кэмерон (Университет Дэлхаузи, Канада) также провел параллели с книгой Мэри Шелли, но на этот раз речь пошла о романе Ричарда Мэтисона «Я — легенда» (1954), сюжет которого более известен по экранизации 2007 года. По мне-

нию исследователя, обращение к теме «последнего человека на земле» в разные периоды вполне объяснимо — оно позволяет осмыслить пограничный опыт, глобальные катастрофы современности. Докладчик утверждает, что изоляция, переживаемая последним представителем человеческого рода, перекликается не только с тем, что мы пережили во время связанных с эпидемией локдаунов и карантина, но и с растущим отчуждением вследствие повышения политической поляризации. Ученый уверен, что оба романа, о которых он говорит, могут помочь не только осмыслить создавшуюся сейчас ситуацию (в том числе засилье праворадикального популизма), но и понять, как с ней справиться.

Конечно же, как и на любой большой «готической» конференции, была и секция, посвященная викторианской готике — по организационным причинам ее разделили на две части. Участники секции нашли новые аспекты, казалось бы, в давно известных, признанных и хорошо изученных текстах — от «Джейн Эйр» до «Странной истории доктора Джекила и мистера Хайда».

Амрин Коли (Университет Эдинбурга, Шотландия) уверена, что переосмысление готики сейчас особенно важно, поскольку COVID-19 не только поставил население планеты лицом к лицу с собственной физической слабостью, но и напомнил о другой, долгое время замалчиваемой эпидемии — пандемии душевных болезней. Литература мейнстрима, по мнению докладчицы, излишне романтизирует такого рода заболевания, в то время как готика помогает понять как страдания больных, так и меру окружающих их предрассудков и равнодушия — и одновременно способствует закреплению некоторых стереотипов, демонизируя «безумие».

Гвендолин Фэй Мур (Университет Дублина, Ирландия) также обращается к «Странной истории» — и к классической новелле Шеридана Ле Фаню «Зеленый чай», двум текстам, которые обычно рассматривают в свете тематики безумия (раздвоение личности и галлюцинации), но в данном случае предметом анализа становится «заражение Британской Империи» товарами с Востока. Колониальная проблематика для викторианской готики настолько важна, что существует специальный термин «колониальная готика». Докладчица заявляет, что в ее исследовании речь идет о «культурной колонизации»: товарам восточного происхождения, например, тому же чаю, приписывали негативное, разрушительное воздействие на британцев, причем не только на уровне популярных предрассудков, но и в серьезных медицинских журналах. Интересно, что в указанных художественных произведениях сила колониальных товаров не в их якобы вредоносном воздействии, а в том, что они могут уничтожить тщательно конструируемую «хорошую британскую» идентичность и показать лежащие под ней первобытные силы — так объясняется и раздвоение доброго доктора Джекила, и сумасшествие персонажа «Зеленого чая».

Показательно, что на одной из секций конференции обсуждалась карибская готика. Здесь уместно напомнить, что понятие «готика» в современном англоязычном литературоведении чрезвычайно объемно, и в последнее время эту категорию применяют к текстам (вербальным и визуальным), созданным в рамках самых разных национальных традиций и регионов, расширяя границы не только хронологически, но и географически. Это порождает определенные проблемы — становится не совсем ясно, что же такое готика, не попадают ли в эту сферу практически любые произведения, где встречаются определенные образы и сюжеты и исследуется категория страшного.

В этом смысле представляет интерес доклад *Кристиана Солера* (Стэнфордский университет, США), посвященный двум известным готическим тропам — haunted houses (дома с привидениями) и damsels in distress (девицы в беде), но на материале экранизаций двух рассказов колумбийских писателей, в которых расо-

вые и колониальные проблемы прошлого продолжают воздействовать на современных жителей региона. Докладчик — одновременно организатор и модератор секции — подготовил для сайта конференции тезисы, поясняющие общую идею готики «на периферии». Карибы, пишет он, это регион, который систематически маргинализируют в культурном, политическом и даже научном смысле, местная литература также обладает неопределенным статусом и обычно не считается частью латиноамериканской традиции. Солер рассматривает готику не просто как теоретический конструкт, завезенный в карибские колонии, но как эстетическое прочтение мира, привнесенное из бывших европейских колоний.

Другое бурно развивающееся в последнее время направление, которому была посвящена отдельная секция, — экоготика. Прочтению подвергались как достаточно новые тексты (кинофильмы, романы Маргарет Этвуд), так и классические — *Ли-шин Су* (Национальный Университет Ченгчи, Тайвань) предложила оригинальную интерпретацию поэзии Эмили Дикинсон (мысль о том, что Gothic studies могут заниматься и поэзией, пока что не воспринимается как самоочевидная, однако такого рода наработки вызывают большой интерес, как это и случилось с докладом китайской коллеги). Ли-шин рассматривала не только тексты Дикинсон, но и произведения современного тайваньского поэта Чен Кехуа: она отмечает, что оба мастера слова «используют готические образы заражения, гниения и распада, чтобы поведать о передаче мыслей и посмертной славе». Звучит парадоксально — но поэты в самом деле вышли за пределы стандартного круга ассоциаций и, по утверждению ученого, коснулись экологических проблем (пусть во времена Дикинсон такого понятия и не существовало) и условности границ между человеческим и нечеловеческим, поставили под сомнение современные им представления об иерархических отношениях природы и человека.

В рамках второй части этой же секции *Джина Вискер* (Университет Бата, Великобритания) проанализировала эссе Маргарет Этвуд «Рагу из сумчатого волка» и рассказ Дейзи Джонсон «Ритуалы крови». По мнению докладчицы, Этвуд и Джонсон предлагают своеобразный рецепт спасения мира от каждодневного ужаса. И рецепт этот дает готика благодаря своей способности придавать форму чудовищному вокруг и внутри нас. В текстах, которым был посвящен ее доклад, звучит тема поглощения — в самом прямом смысле: богатый гурман ест баснословно дорогое и невкусное рагу из клонированного животного, героини рассказа предаются каннибализму и в соответствии с архаическими представлениями наследуют черты съеденных, причем не всегда симпатичные. «Кулинарные» мотивы встречаются в готике давно, начиная с вампирских сюжетов, и их современное прочтение тесно связано с этико-экологическими проблемами дня сегодняшнего.

Конечно же, достаточно большой блок конференции был посвящен проблематике гендера и сексуальности, широко освещаемой в современных Gothic studies еще начиная с работ, посвященных «роману тайны и ужаса» с его страдающими героинями и вниманием к дисфункциональным семьям и токсичным отношениям. В сочетании с обращением к внелитературной современной проблематике результат был весьма интересен — в частности, одна секция имела подзаголовок «Квир-пандемия и заражение». Представленные на ней два доклада связывали XIX столетие и современность — причем в весьма различных отношениях. *Бронте Шильц* (Университет Манчестера, Великобритания) говорила о связи некоторых ключевых текстов готики «рубежа веков» с бытовавшими тогда представлениями о сексуальной трансгрессивности и о том, как художественная литература, в частности готическая, в то время заполняла некоторые лакуны — были темы (к примеру, неконвенциональная сексуальность), которые считались неприемлемыми настолько, что для них буквально не существовало языка описания. Шильц уверена, что этот прецедент во

многим повлиял на последующую традицию вплоть до «субверсивной мощи» современной готики. Здесь, конечно, встает вопрос о границах и природе готического — и одновременно озвучивается мысль о важности и актуальности его как своеобразной формы саморефлексии культуры и способа говорить о трудном и страшном.

На той же секции *Полина Палмер* (Университет Уорвика, Великобритания) представила разбор современного романа о СПИДе (Винсент Бром, «Любовь во время чумы») и показала, как в нем проступает тема бубонной чумы, охватившей Лондон более трех веков назад, на фоне тем двойничества и путешествий во времени. Понятно, что в сознании докладчицы и аудитории две эпидемии были ассоциативно связаны с сегодняшней ситуацией. Палмер убедительно продемонстрировала устойчивость готических тропов, на которых построен роман Брома, и их способность описывать экстремальный, травматичный опыт — конечно же, последнее способствует первому, и лучшим доказательством этому служит сама тематика конференции.

В продолжение секции было сделано три сообщения, посвященных уже полностью современному материалу. В частности, *Ардель Хефеле-Томас* (городской колледж Сан-Франциско, США) говорила о готической образности в произведениях визуальных искусств (видео, пластика, перформанс), посвященных теме СПИДа и созданных художниками, страдавшими от этой болезни. Во многом проблематика таких работ определяется личным опытом автора, в том числе ощущением изгнанничества, стигматизации, пограничного состояния между жизнью и смертью — последнее, между прочим, играет огромную роль и в готической традиции (призраки, восставшие из гроба мертвецы и пр.). Выступление Хефеле-Томас было не только представлением результатов исследования, но и отчасти речью в защиту жертв эпидемии от этой самой стигматизации, увы, во многом напоминающей средневековое отношение (болезнь как кара за грехи).

Прозвучали на конференции и доклады, посвященные более раннему материалу, но при этом не менее явно отсылающие к проблемам дня сегодняшнего. На секции «Американская готика» *Фэй Рингель* (Академия береговой охраны США) определила Инкриса и Коттона Мэзеров как первых в Америке собирателей «фольклорного хоррора» (folk horror, понятие, в настоящее время достаточно широко применяющееся к литературным произведениям и фильмам типа «Солнцестояния» и «Плетеного человека») — их влияние просматривается вплоть до творчества Вашингтона Ирвинга, Готорна, Лавкрафта и Стивена Кинга. Соответственно, отношение отца и сына к «чумной» тематике также заслуживает особого внимания. Интересно, что они освещали различные объяснения эпидемий, от чисто религиозных до естественно-научных, порой по современным меркам весьма причудливых, например, представление о том, что кометы являются предвестниками чумы. Коттон Мэзер также связывал эпидемии с колдовством, однако же стал горячим сторонником вакцинации, за что его едва не убили. Подобные факты позволяют более полно и многомерно представить отношение к болезням в ту эпоху и, конечно, в известной мере поучительны до сих пор: как известно, текущая пандемия вызывает иногда реакции, по природе своей весьма архаичные, не менее, чем вера Коттона Мэзера в колдовские чары (как указывает Рингель, в духе европейского XIV столетия), сочетавшаяся с очень прогрессивными по тем временам научными идеями.

Вторая часть секции «Американская готика» была посвящена относительно современному материалу, созданному после Второй мировой, — от литературных произведений, уже ставших классикой, до фильмов и компьютерных игр. *Мэтью Крофтс* (Университет Гулля, Великобритания) в докладе с красноречивым названием «Готическая тиранья накануне катастрофы» осветил роман Дж. Уиндема «День триффидов», серию графических романов «Ходячие мертвецы» и видеоигру *Fallout*. Исследователь отмечает, что для «готической модальности» начиная

с XVIII столетия характерны ситуации столкновения героев с насилием, выживания в трудных ситуациях, и эта же парадигма работает в современных постапокалиптических текстах (в широком смысле). Анализ выбранного материала здесь вполне убедителен, но опять же встает вопрос о границах готики и о превращении ее из исторически конкретного явления (пусть даже весьма широкого, Gothic mode) в некий универсальный язык для описания экстремального опыта, востребованный в нынешней ситуации, но фактически выходящий за пределы компетенции литературоведов.

Эта проблематика прослеживается и в большом блоке докладов (две секции), касающихся современных фильмов ужасов и телесериалов в аналогичном жанре. *Джеффри Вейнсток* (Университет Центрального Мичигана, США) посвятил свой доклад популярному сериалу «Penny Dreadful» (в российском прокате «Страшные сказки») и показал, как в нем возрождается на новом уровне старинное представление о миазмах (убежденность, что причина заразных болезней — ядовитые испарения, откуда, в частности, слово «малярия» — буквально «дурной воздух»). Эта идея оказалась на удивление устойчивой — в американской литературе, которой занимается Вейнсток, ее можно обнаружить у Чарльза Брокдена Брауна и Эдгара По, а современные кино и телевидение возвращаются к соответствующим представлениям на визуальном уровне, причем уже совершенно на другой почве: знания о природе болезни радикально изменились, однако соответствующая образность стала выразительной метафорой экологических проблем современности. Это очередной и очень показательный пример устойчивости готических тропов: форма, понятная всем, может наполняться новым содержанием и помогать облекать в яркие образы то, что волнует людей уже совсем иной эпохи.

Страхи современного человека подверглись анализу еще в одной секции — «Готическое телевидение и видео: беспокойство об окружающей среде, цифровой образ и образ Другого». В частности, *Мариакончетта Костантини* (Университет им. Габриэле д'Аннунцио, Италия) включила в название своего доклада формулировку *across media* (что можно перевести как «в разных видах искусства», «разными средствами» — речь шла о литературе, кино, телевидении и даже прессе), а материалом послужили тексты (в широком смысле), ставшие ответом на тревогу по поводу климатических изменений, ведущих к таянию вечной мерзлоты. «Полярная» тематика присутствовала еще во «Франкенштейне», но из доклада Костантини с очевидностью следует, что в последние десять с небольшим лет она стала чрезвычайно востребована в литературе ужасов. Патогены, дремавшие в вечной мерзлоте, описываются в таких текстах как зомби или призраки, в духе готической традиции. Докладчица отмечает, что рассматриваемый материал создавался до пандемии коронавируса, но в последнее время вызвал повышенный интерес, подпитываемый новыми страхами перед потенциальными источниками заражения, что отразилось, в частности, в газетной риторике с ее вездесущим образом «полярных вирусов-зомби». Характерно, что в таких случаях осуществляется явный выход за пределы медико-биологического дискурса в сторону почти средневековой концепции «наказания человечеству».

Разумеется, в одном обзоре невозможно охватить все доклады и тем более все высказанные соображения, но представляется, что конференция «Готика в эпоху заразы» стала важным событием мировой научной жизни. Это был не просто форум, на котором ученые из разных стран могли обменяться идеями, но и своеобразный акт саморефлексии научного сообщества, стремящегося понять нынешнюю непростую ситуацию и найти подходящий язык для ее описания и интерпретации.

Анастасия Литинская